

ДОТТОРЕ ПЕСТЕ

ТАТЬЯНА ЗОЛОЧЕВСКАЯ
Родилась в г. Выборге. Окончила Педагогический университет имени А.И. Герцена, Институт кино и ТВ в Санкт-Петербурге. Выпускница магистерской программы «Литературное мастерство» НИУ ВШЭ, училась по обмену

в университете На'Фосчари в Венеции. Работала редактором, продюсером, ведущей радио и ТВ-программ. Первые рассказы написала на курсах BAND, Creative Writing School. Публиковалась в сборниках современной прозы «Энсмо»

и «Ридеро». Финалист Международного литературного Волошинского конкурса (2018), премии «Московский наблюдатель» (2020), конкурса «Открытая Евразия» (2020). Обозреватель интернет-портала «Raga Avis. Открытая критика».

*Крикнул. Его не слышали,
Он, оборвавшись, упал
В зыбкие, бледные дали
Венецианских зеркал.*

Н. Гумилев. Венеция. 1913

1.

Дождь начался внезапно. Редкие, крупные капли упали на серый уличный камень, и поначалу никто из туристов не обратил на это внимания. Люди все так же глазели на светящиеся витрины, останавливались на горбатых мостиках у каналов сделать фото. Через считанные минуты возгласы, смех, отдаваясь эхом под сводами тесных венецианских улочек, стихли. Послышались глухие хлопки раскрываемых зонтов, возникла суета: кто-то на кого-то налетел, кто-то вбегал в двери магазинов. Робкая разведка дождя сменилась мелкими частыми зарядами. Воздух отяжелел, наполнился влагой, на открытых перекрестках повеяло сквознячком.

Двигаясь от *San Marco* к *Rialto*, она плыла вместе со всеми, привычно улавливая обрывки чужестранной речи: певучего итальянского, картающего немецкого, сонного английского – то мокнувшая под раззадоренным косым обстрелом, то защищенная краем чужого зонта. Свой она не

взяла. Все три недели, с момента приезда в Венецию, было солнечно. Итальянский февраль оказался неотличим от русского апреля. Каждое утро в ее узкой десятиметровой комнате на *San Polo* сквозь прикрытые ставни бил в глаза золотой луч. Не имея достаточно места, зажатый деревом, он сочился, полз, ширился, пока она наконец не вскакивала, чтобы распахнуть ставни и выпустить его на свободу.

Вот и *Campo Bartolomeo*. Под навесами облепивших со всех сторон площадь кафешек и баров как ни в чем не бывало сидели люди – за бокалом вина, пиццей. Неожиданно толпа, несущая ее в протоке, расступилась и поредела. Мокрая площадь зарыбила под ногами оцинкованной стиральной доской. Она водрузила на голову рюкзак, спасаясь от неумолкающего дождя. Пробегая мимо Гольдони, прыснула: с бронзовой треуголки вода стекала ему на руку, держащую трость. Манжет клевал голубь – и казалось, у трости живой набалдашник, а сам драматург вот-вот ринется по лужам.

Rialto кишел, как муравейник. Рывками она двинулась по невысоким ступенькам вверх, быстро достигла середины моста. Небо и канал сомкнулись, занавесив Венецию серой мятушейся шторой, расшитой по краям шафранной нитью. Дождь усилился, немилосердно стуча по плечам, зонтам, парашетам, словно высказывая на-

болевшее. Кроссовки чавкали, набравшись воды. С *San Marco* донесся колокольный звон, тревожно и сладко разливаясь в теле.

Шесть вечера. Надо поторопиться. В общежитии, как здесь говорят – студенческом доме, – ужин: она не предупредила, что задержится. Впереди примерно половина пути, если поспешить – можно уложиться и в четверть часа. Вот бы сейчас чая, и сесть у окна – слушать дождь. А лучше на террасе, с кофе! Может, даже сегодня. Одолев мост, она заспешила дальше, на ходу доставая мобильный, чтобы заглядывать в карту города, работающую офлайн.

Миновав пару улиц с витринами, где под козырьками прятались толпы людей, она углубилась в переулки. Натертые до блеска серые камни были светлее неба. Она прибавила шаг, тарашась в полумраке по сторонам. Не пропустить бы желтый указатель *Alla Ferrovia*, ведущий к вокзалу, возле которого она живет. Вперед, вперед, вот и *Соор*, продуктовый, значит, теперь налево. Господи, почему так мрачно, и люди исчезли.

Внезапно она перестала понимать, куда идет. Несколько раз выручавшая ее карта не грузилась. Она встала на приступку дома, вжавшись спиной в стену, брр. Вокруг никого. Барабанные дробы дождя, ледяные пальцы. Венеция поймала ее в каменный мешок, как трофей. Она беспомощно озиралась и не могла припомнить ни одного дома вокруг. Дождь лупил по щекам. Она снова бросилась в узкий проем. Пролетев буквально сто метров, замерла: тупик. Кинулась назад, свернула в другую сторону, следуя интуиции.

Но интуиция подвела. Через пару проемов – страшных, черных, с заколоченными окнами и нежилыми дворами, – она снова остановилась. Венеция, словно прячась от дождя, вывернулась наизнанку и пугала ее. Она схватилась за телефон, набрала подругу – тишина, сигнал не проходит, как это уже бывало здесь, в средневековых лабиринтах. Надо вернуться, начать заново. Снова назад, теперь против дождя и ветра, немилосердно плюющего в лицо. Заглись фонари, в завесе дождя дающие рассеянный свет. Розовато-блеклые, они повисли мутными опалами отдаленно от невидимых в темноте опор. Окна и стены домов влажно засеребрились.

Она вернулась почти к *Rialto*, в знакомый квадрат проходного двора с колодцем посередине, похожим на керамический цветочный горшок. Показался прохожий, бегущий под полиэтиленовым пакетом.

– Эй. – Пока она соображала, что спросить, он промелькнул, словно призрак.

Стало страшно. Чтобы не стоять и что-то делать, она глянула на мобильный и вздрогнула от резкого: *«Поверните направо»*. Господи, слава богу. Пошла, вслушиваясь в команды женского электронного голоса. Колокол на *San Marco* отмерил полчаса. Ужин, она опоздала. Раскаты грома. Ливень. Спринт по воде. Голос повел другой дорогой: наконец она опознала белый бок *San Toma* со статуями святых на фронтоне. А рядом еще один студенческий дом: терракотовый фасад, решетчатые ставни. Ей надо – между, и потом левее.

Обрадованная, она припустила, угадывая сквозь пелену воды округлый мостик через канал. Смеясь и держась за руки, мимо нее проскочила пара подростков, накрытых одной курткой. Оказавшись на другом берегу, она подумала: *«Этот город не для детей, венецианцы рождаются взрослыми. Как можно шутить с таким обилием воды. И это еще не acqua alta»*. На расстоянии руки темнел канал, тут же стена здания: людям не разойтись, не помешав друг другу.

Вдруг она за что-то запнулась, стукнувшись лодыжкой, и медленно заскользила по илистым ступеням. Темный провал приблизился, вода приветливо замерцала, сердце захолонуло. Вот и все... И тут чья-то сильная рука подхватила ее, дернула, поставила на ноги и оттащила от края воды. Ее била дрожь. Кто это? Джинсы, слипшийся атласный плащ, длинный залакированный клюв. Зловещая маска Доктора Чумы, белеющая в темноте. Глаза скрыты мокрыми окулярами, на голове шляпа – капает с полей. Она отшатнулась.

– Решили искупаться? – съязвил незнакомец на чистом русском.

Она промолчала и пошла вперед, стараясь оторваться от незнакомца. Он нагнал, взял под локоть. – Ну уж нет. Не бойтесь, Дотторе Песте проводит вас. – Подлаживаясь под ее шаг, засеменял рядом.

Она старалась смотреть вперед, но боковым зрением видела клюв, похожий на костяной рог для вина. Дотторе Песте? «Чумной Доктор» по-итальянски? Сумасшедший. Нашел время карнавалить. Они дошли до кондитерской *Tonolo*. Название улицы она забыла, но знала, что минут через десять они окажутся у дверей ее жилья. Они добрались быстрее. Полукруглые высокие окна, затянутые тюлем, светились, сквозь них были видны легкие тени девочек. Дождь, устав бесноваться, почти

в Домодедово ее проводить: температурил. Писал сообщения редко и односложно, в основном отвечая на ее вопросы, и она не знала, не потеряет ли его, уехав так далеко и надолго.

Ната потихоньку встала и, пробираясь боком по стеночке, покинула аудиторию. Вышла за ворота здания и попала в старую фотографию – идеально выверенный монохром с едва прорисованным контуром железнодорожного моста, соединяющего узкой перепонкой островную и материковую Венецию. Ощущение нереальности и ускользающей красоты. Белые ночи по-итальянски.

Туман вел ее по *Cannaregio*, и, боясь оступиться, она сначала шла вдоль канала, прижимаясь к домам, а потом вышла на широкую *Strada Nova* и побрела к *Ospedale*. На полпути, не доходя *Spar*, она присела на улице в знакомой кафешке и взяла кофе. Официант из ниоткуда подал наперсточную чашку, и не видная, словно чужая рука интуитивно поднесла ее ко рту. За дальним столиком сидел пожилой венецианец: как в сюрреалистическом кино, он показывал часть лица, прорезанную морщинами, блестел дужкой очков.

Сознательно плутая по каменному лабиринту, Ната тянула перед собой руку, чтобы быть уверенной, что никуда не врежется. В этой части города туристов было в разы меньше. Разлитое в молочном воздухе спокойствие остужало ее беспокойство. Она все думала: «Глеб, Глебушка, чем ты занят сейчас, здоров ли». Вспоминалась их первая встреча возле кофейного автомата у них в Вышке, на Мясницкой, в перерыве студенческой конференции: красные прожилки его уставших внимательных глаз, с утра и до вечера изучавших увесистые фолианты, длинные, нескладные руки. Ната уловила, что он голоден, и протянула ему бутерброд. С этого все и пошло.

Раздался пронзительный звук сирены – желтого медицинского катера с надписью *Ambulanza*, – значит, *fondamenta Nuove* уже где-то рядом. Сейчас она дойдет до конца улицы, и справа покажется фешенебельный, на ее вкус, *Combo*, скромно названный хостелом. Ну, где вы видели хостел, открытый в аутентичном, отреставрированном здании монастыря двенадцатого века: с конференц-залом, внутренним двориком и видовым баром на канал – в десяти минутах ходьбы до *Rialto*? Мысли о Глебе вернулись и закрутились по новой – среди воспоминаний и грез. Вот они в полумраке кино, кажется, это была «Звезда» на Земляном – да, только там круглые столики, и его горячая ладонь, накрывшая ее колено.

Вдруг туман, словно загустев, налип ей на лицо, на руки, обдал влажной свежестью с головы до ног, обернул в мокрый саван, запутал ноги. Ната потеряла равновесие. Снова Венеция ставит подножку, пронеслось в голове. И опять чья-то сильная рука подхватила ее, сдернула с нее мокрое. Она увидела смутно знакомую красную куртку, кто-то низко наклонил к ней лицо, заулыбался. Боже, Дотторе Песте. Снова. Но сегодня без маски.

– Что это было? – удивилась Ната.

Он помахал руками, пытаясь разогнать туманный кисель и что-то показать ей. Она сделала шаг назад и увидела висящие на веревке между домами простыни. В одну из них она и влетела с ходу. Приподняв угол, Дотторе Песте шутиливо прикрыл их от возможных зрителей и впился губами в Натинины губы. От неподвижно висящего белья пахло лавандой.

Ната дернулась и поддалась.

3.

Ната крутилась перед старым трюмо в коридоре, примеряя платье: в *Palazzo alla Zattere* на набережной вечеринка V-A-C'ковского московского фонда, придумавшего проект «ДК». Уже месяц там идут выставки и перформансы, а сегодня ожидается модный музыкальный сейшен, на который она с трудом, через знакомых в Москве, раздобыла проходку.

Она смотрелась в зеркало и хмурила брови: нет, наверное, лучше брюки, платье слишком летнее, тонкая ткань выдает все несовершенства ее крепко сбитого тела. Надо больше ходить, хорошо бы сбросить пару кило к лету. Мелированные, переженные краской еще в Москве волосы, свисающие вдоль лица с не девичьим, массивным подбородком, склеены в сосульки. Ну, что с ними делать, задумалась Ната, глядя на террасу, где меланхолично покачивались на ветру майки и полотенца.

Студенческий дом – *Domus* – населяло исключительно женское общество, если не брать в расчет Лео и Карло, работающих на кухне. После войны, под присмотром монахинь, здесь находился приют для девушек, попавших в затруднительное положение. Потом в здании жили служащие железной дороги: недаром вокзал *Stazione di Venezia Santa Lucia* совсем рядом. Постепенно ситуация изменилась: в *Domus* стали принимать студентов, и снова только женского пола. Сейчас здесь

Ната с головой погрузилась в новую жизнь, испытывая состояние постоянной аллегрии, присущей итальянскому темпераменту. Она много смеялась, всему удивлялась и с удовольствием вошла в новый расслабленный ритм, свойственный венецианцам.

проживало восемьдесят молодых особ из разных стран мира – от Африки до Франции, – приехавших на учебу в университеты Венеции.

Ната прилетела в субботу, 1 февраля, и в выходные тешно пыталась сориентироваться в этом новом, фантастическом для нее пространстве. Все время хотелось ушипнуть себя: с ней ли это происходит? Могла ли она, девочка из Приозерска, чудом поступившая на бюджет в Вышку, мечтать об этом? Она ли втащила чемодан в это внушительное четырехэтажное здание, с высокой стойкой ресепшен и толстенным талмудом, в который, по старинке, ее записали как вновь прибывшую?

Однако, едва переступив порог, она ощутила своеобразное пыльное очарование этого места. В дверях комнаты с фортепиано, покрытым самодельной вышитой салфеткой, детскими рисунками на стене, сундуком вместо журнального столика, больше похожей на прихожую обычного дома, чем на лобби, показалась девушка в стильных роговых очках. Широко улыбнувшись, она сказала:

– Привет, я Анжела, я говорю по-русски.

И Ната выдохнула, ее английский, несмотря на сданный IELTS, был далек от совершенства. Здесь, на месте, выяснилось, что итальянцы предпочитают свой итальянский, а на английском говорят

далеко не все. То, что кое-то из местных прилично говорит по-русски, даже не представляла. Она сразу подружилась с Анжелой, которая помогла ей с заселением и провела по дому, показывая, что где. Нату разместили на четвертом, а Анжела жила на втором этаже. Итальянская подруга изучала русскую литературу, читая в подлиннике Достоевского и Толстого.

Необычный *Domus* имел редкий в Венеции лифт с распашными дверями, просторную учебную комнату с круглым балконом, библиотеку, копировальную, молельню – наследие приюта, зал отдыха с огромным телевизором и кожаным диваном и атмосферную столовую с панорамными окнами, которые использовали как выставочные витрины. Одним крылом *Domus* стоял на оживленной улице *San Polo*, по которой с утра до ночи двигались туристы от *Piazzalle Roma* к *San Marco*. И это не говоря о видовой террасе – на Натином, четвертом этаже, размером с однокомнатную квартиру ее бабушки. В стоимость проживания были включены обеды и ужины, и с вечера студентки выбирали блюда на завтрашний день, отмечая их крестиками в меню. Самостоятельно Ната этого сделать не могла, но любая из девочек охотно помогала ей.

Когда Ната впервые пришла на ужин, ей показалось, она попала на съемки фильма, действие которого происходит в монастырской трапезной. За длинными столами, стоящими в несколько рядов, в большом зале с пятиметровыми потолками, где на колонне висела деревянная икона Спасителя, сидели и ели девушки, очень много девушек. Ната на секунду замешкалась с подносом, высматривая Анжелу и не зная, куда сесть.

В первом ряду она увидела настоящую монахиню: черная сутана, белый накрахмаленный апостольник. На ее груди висел крест, и она, как все, невозмутимо ела пасту. Менеджер *Domus* Сара, сидевшая рядом с ней, приветливо махнула рукой: давай к нам. Ната инстинктивно поклонилась монахине и присела с краешку. Она начала задумчиво есть, думая, что для полноты картины им всем не хватает только форменных платьев воспитанниц монастыря.

Сначала она немного смушалась, не зная, как себя вести, но постепенно познакомилась с девочками, если что-то не понимала – выручала Анжела. Комьюнити *Domus* было совсем не похоже на общежитие в Москве. Там, несмотря на новый ремонт, двухъярусные кровати и общий холодильник, каждый был сам по себе. Здесь же все делало сообща: дежурили, пили после обеда кофе, зани-

Длинный и узкий остров-сосед был сплошь зеленым – весь в дрожащих узорах тени, в отличие от Венеции, скрывающей в своих недрах лишь несколько небольших скверов. Исключая разве что сад *Giardini della Biennale* в районе *Castello*, большой и привольный, известный редкими видами деревьев и трав. Не спеша, минут за пятнадцать, они пересекли *Lido* в ширину, успев подмерзнуть. «Зачем я надела короткие носки», – подумала Ната. Щиколотки горели от холода. Уставшие от тревожных новостей и учебной недели, дорогой они не разговаривали.

– А давай каждые выходные – новый остров! Махнем на *Burano*? – очнулась Света, когда они подошли к центральным воротам пляжа.

Неказистые постройки на входе, где располагались кафе и касса, напоминали неухоженные строения родного юга. Перпендикулярно им, вдоль проезжей части, тянулись шеренги кустарников и деревьев, в жару отлично спасающих от солнца.

– А если остров *Poveglia*, слышала? Туда свозили чумных... и ставили эксперименты – в психиатрической клинике. С тех пор их души блуждают по острову. Но вроде бы туда не попасть, – отвечала Ната.

Но Света уже не слышала: она выбежала на простор, взметая пятками на бегу песок, и закружилась по пляжу.

Ната осмотрелась – пляжная полоса вольготно раскинулась в стороны, лишь изредка выбрасывая в воду пальцы волнорезов. Мерцающее, переливчатое – синее море пенилось у берега шипучей, газированной волной. Ната пошла к нему, вслушиваясь в сдержанный голос прибоя. Девушки постояли, запрокинув вверх подбородки и подставив лица порывам ветра. Холодно! Ната потеряла ладонки и побежала вдоль моря. Света за ней. Безлюдно, только крошечные фигурки людей впереди прыгают перед глазами.

Они вскоре устали и, чуть задыхаясь, остановились у груды камней. На перекинутых кем-то дощечках устроились на пикник. Есть пришлось быстро: ветер, дующий сразу во всех направлениях, не стеснялся и мешал наслаждаться. Они запили вином пухлые сэндвичи с прошутто и рукколой, а чипсы прихватили с собой. Хватая их жирными пальцами, как голодные чайки, опустошили пакетик, который тут же вырвался из рук.

Чуть опьянев от вина и бриза, молча побрели по берегу. Песок, усеянный ракушками, влажно хрустел под ногами. Справа тянулся широкий

песчаный вал, за ним симпатичные деревянные домики, выкрашенные белой краской. Их было много, они стояли сказочно ровными рядами, тесно прижавшись друг к другу. Не здесь ли встретились Ашенбах и Тадзио у Висконти? Света, словно подслушав Нату, спросила:

– Заметила, мы прошли *Grand Hotel des bains*, из «Смерти в Венеции»?

– Вон тот, с часами? Выглядит заброшенным, – обернулась Ната.

Старая громада отеля с заколоченными окнами, огороженная забором, возвышалась сразу за пляжем. Пробежала парочка бегунов с голыми сиамскими ногами, даже смотреть на которые было зябко, с ритмично болтающимися проводами наушников. Беспечно поблескивая вдали, ближе к берегу, море тревожилось седыми бурунами. Возле гладкого волнореза, зажатого по бокам хаотично лежащими камнями, вода пенисто разбивалась, закручиваясь вверх хвостами невидимых дворняжек.

Подруги дошли до белого Дворца кинофестивалей, фасад которого был завешан зеленой строительной сеткой, а территория обнесена лентой: шла реконструкция. Девушки разочарованно переглянулись: оказывается, «Венецианских львов» раздавали в обычном здании, похожем на трехзвездочный отель. Частокол пустых флажтоков вхолостую колот небо, не доставая до сахарной ваты облаков. Они обошли здание вокруг и увидели видовую площадку: перед ними плескалось море, разлинованное тонкими прутиками забора. По линии горизонта скользил лайнер внушительных размеров. Рыжую мелкую плитку, состоящую из скелотых квадратиков, тоже следовало подновить.

Они прямо здесь допили вино, чокаясь пластиковыми бокалами, как обиженные фанаты кино, которых не пустили в зал. Тут на Свету что-то нашло. Кривляющейся походкой, виляя бедрами, она стала ходить по площадке, изображая кинозвезд. Ната, сначала беззвучно смеявшаяся, расхохоталась в голос, когда Света повязала на голову шарф чалмой и, уморительно вскидывая руками, стала бросать на ходу реплики капризным, изломанным голосом. Ната стала изображать фотографа-папарацци, шелкая ее выходы. Подруги совсем разошлись и какое-то время от души дурачились и потешались.

Мимо проехал рейсовый автобус, они перебежали улицу и, взлохмаченные, пошли в сторону причала, обсуждая попадающиеся на глаза виллы. В пышных кустах растительности прятались ка-

Эта сторона здания была заросшей, старый сад подступал к стене, и в ряблящих просветах ветвей ей чудился настигающий ее белый клюв. Ната почти бежала, от страха прижмутив веки. Вот она выскочила на открытое место перед красной дорожкой. Сердце выскакивало из груди.

литки, через которые проглядывали таинственные дорожки. Интересно было гадать, кто и почему там живет. Поравнявшись с Гранд-отелем, Ната остановилась.

– Смотри, дыра. Давай глянем, как там внутри. Где там плел любовные сети Ашенбах?

Посмотрев по сторонам, подруги юркнули в разлом, заслонив его сорвавшейся с гвоздя доской. Полное запустение былого величия оказалось обманчивым. К парадному входу вела красная ковровая дорожка, потемневшая от влаги. По краям стояли узкие короба как будто бы недавно высаженных в черную землю магнолий с толстыми, мясистыми листьями. Подруги беспокойно оглянулись – высокий забор надежно скрывал их присутствие. «Вот это да», – ахнули одновременно.

Они пошли по дорожке, хлюпающей под ногами, к центральному входу с массивными колоннами. Ната, не веря глазам, погуглила. Оказалось, на Венецианском кинофестивале в прошлом, девятнадцатом году здание частично работало. Просторный холл со знаменитым морским видом привели в порядок и использовали как выставочный зал. Сейчас входные двери были закрыты, и, опасаясь возможных камер, которых не было видно, подруги не стали рваться. Хотя искушение было велико.

Они решили обойти отель по периметру и от греха подальше ретироваться. Неизвестно от-

куда, в памяти Наты всплыли фразы из фильма: *«Изумительное начало сезона. Только небольшой сирокко»*, вкрадчиво звучащие на фоне протяжной симфонии Малера. Они не стали подниматься по ступенькам на открытую площадку перед входом, а пошли направо. Одинаковые окна с маленькими балкончиками, на один из которых, видимо, и выходил Ашенбах, были закрыты ставнями. Бок отеля имел высокие, в три этажа, глухие проемы – как раз там, где была выставка.

Света ненадолго отлучилась. Ната, задирая голову, тихо обходила громаду, несколько подавленная увиденным. Жизнеспособное, реанимированное основание отеля высилось безжизненными этажами, гниющими у всех на виду. Вокруг отеля буйствовала южная растительность, и Ната испуганно оглянулась. Ей показалось, кто-то смотрит на нее сквозь листву. Где Света? Стараясь не поддаваться панике, она вышла на лужайку с высокой травой и стала разглядывать противоположный главному вид.

Каменная кладка в один этаж, мощная балюстрада смотровой площадки, каменные вазы, колонны. Кто-то настойчиво буравит взглядом между лопатками. Что ему надо? Обернуться страшно. Может, это Света из укромного места? Позвать бы ее, но голос прилип к горлу. И снова из кино: *«Мы зарезервировали для вас лучший ножер... Неужели вы действительно верите в красоту как в результат работы?»* Она и не предполагала в себе такую память на цитаты, хотя фильм пересматривала совсем недавно в Москве, до отъезда.

Ната буквально заставила себя пойти, выудив из кармана мобильный, чтобы набрать Свету. Огибая здание и тыкая в кнопки, она приподняла голову и среди желтых махровых цветков раскидистого дерева увидела мелькнувший лакированный проблеск. Дотторе Песте? Не может быть. Откуда он здесь? *«Художник подобен охотнику, целящему в темноте... Нельзя потрогать душу... Сирокко дует три дня...»* Господи, Висконти, замолчи! Ната припустила, руки царапали иглы каких-то кустов.

Чего она боится? Или кого? Зажатый в руке мобильный бесполезно кричал Светиним голосом. Ната забыла, что отключила звук. Эта сторона здания была заросшей, старый сад подступал к стене, и в ряблящих просветах ветвей ей чудился настигающий ее белый клюв. Ната почти бежала, от страха прижмутив веки. Вот она выскочила на открытое место перед красной дорожкой. Сердце выскакивало из груди. Светы

нет. С моря налетел ветер, сдувая выступившие на лбу капли пота.

Она подняла мобильный, мигающей включенным экраном:

– Ну, ты где? Я кричу-кричу, не отвечаешь. Замерзла, жду у дыры. Пошли.

Ната что-то ответила, глядя на ползущую по красной дорожке газету. Ворошась на ветру картинками карнавала, она замерла на заголовке: «*Il Gioco, l'Amore e la Follia. Game, Love and Folly*» («Игра, любовь и безумие – тема карнавала – 2020»).

Откуда взялась эта газета?

5.

Ната резко подняла чашку с подставки, и лежащая там горстка изюма, взметнувшись салютом, беспомощно разлетелась по полу. «Господи, вот безрукая, – раздосадовалась Ната. – Или нервничаю?»

Неделя без учебы прошла странно. Учебный отдел *Ca'Foscari* сыпал письмами, в мягких формулировках вводя запрет на перемещения по стране и за ее пределами. 7 февраля в Риме впервые заболел итальянец, вернувшийся из Китая. Первые случаи заболевания китайцев в Италии были отмечены еще 31 января, после чего авиасообщение с Китаем прекратили. Однако студенты, обрадовавшись неожиданным каникулам, и не думали сидеть дома.

Кто-то улетел в Париж, кто-то в Мюнхен. В «Фейсбуке» встречались посты с чемпионата Италии по футболу с фотографиями студентов-болельщиков на трибунах Милана. *Domus* забеспокоился разговорами, перезвонами, недоумением, расшатался навязчивым просмотром новостей. Ната и Анжела оставались в Венеции. Никто из родни итальянской подруги, навешавшей дедушку в доме престарелых, не заболел. Анжела хотела вернуться домой, но родители просили ее оставаться в *Domus* – из соображений безопасности, цифры по заболевшим в Ломбардии были значительно выше.

В первый же день вынужденного простоя в учебе, выйдя на улицу, Ната встретила Александра, невозмутимо сидящего напротив входа в *Domus*, в кафе. Никак не приветствуя ее и ничего не говоря, он жестом пригласить ее сесть, взял кофе и круассаны. Они перебросились парой фраз, и начался их безмолвный, тягучий роман. Или продолжился? Если считать тот поцелуй точкой

отсчета. Растерянная Ната каждый день задавала ему вопрос: «Не улетаешь?» Александр отрицательно качал головой, Ната успокаивалась: «И я».

Ее подмывало спросить про *Lido*, но все время было не к слову. Да и зачем ему следить за ней? Видимо, показалось. Тем более что почти все время они молчали. Молчание не было ни пустым, ни гнетущим. Напротив – они молчали как два заговорщика, точно знающие, что слова ни к чему. Они все испортят. Они договаривались о месте встрече – никто не опаздывал – и начинали кружить по мостам и переулкам, площадям и каналам. Витиеватые маршруты не повторялись, а концентрат венецианских красот зашкаливал, доводя их до чувственного предела. Иногда Ната открывала рот, желая что-то спросить, но, встречаясь взглядом с Александром, передумывала, читала по глазам – нет. Или да. Полутона были не нужны.

Иногда, пригибаясь под низкими проемами в тупиковых кале, безлюдных местах, он словно случайно касался губами ее виска или затылка. Ната, забывая, что они на улице, инстинктивно замедлялась, вслушивалась в себя – с ужасом ощущая, что ждет еще. Что настоящий диалог, возможный между ними – там, впереди, за невидимой чертой. Александр не напрягал, не торопил, не навязывал – просто был рядом. И ей хотелось идти рядом с ним. Повисшее в венецианском воздухе искусственное затишье обостряло простое и человеческое.

Словно что-то почувствовав, а может, просто выздоровев, Глеб стал писать, интересоваться ее настроением и учебой. Теперь Ната отвечала односложно, уклончиво, не готовая раскрыться или прекратить переписку. Да и что за причина: я молчу с другим, с тем, кого толком не знаю. Дотторе Песте, возникший из завесы дождя, не дал ей утонуть. «Как, интересно, повел бы себя Глеб?» – думала Ната, разглядывая Александра в профиль.

Часть его щеки, с небольшим аккуратным ухом и прозрачной мочкой, напоминала ей отца.

В День всех влюбленных, 14 февраля, они, не договариваясь, протянули руку к одной и той же книжке в знаменитом магазине *Lidreria Acqua Alta*. Это был необычный путеводитель Тициано Скарпа «Венеция – это рыба» на английском, который каждый захотел купить другому в подарок. Они одновременно взяли за мягкую обложку, собираясь пойти на кассу, но многочисленные посетители магазина, невольно пихающие сзади и сбоку стоящих у полок, толкнули их друг на друга. Ната всем телом вписалась в Александра,

идеально встроившись в его габариты. Защищая ее от толчков, он заключил ее в кольцо рук. Кровь ударила в голову: сегодня.

Александр заплатил за книжку, Ната купила старинную открытку с заснеженной Венецией. Они молча обменялись подарками, не подписав их, о чем Ната потом жалела. Потоптавшись в уникальном книжном, утопающем в грудах своего товара, они заглянули через специальный пожарный выход на канал *Rio della Tetta*, оценили юмор и книжную вместимость гондолы, установленной в центре зала, и вышли в крошечный дворик – излюбленное место для фотографий. Желающие могли вскарабкаться прямо на стопки – высотой в человеческий рост – старых, некогда подмокших при затоплении книг, с волнистыми распухшими страницами и попозировать.

Александр фотографироваться не захотел, а Ната охотно залезла по книгам, как по ступенькам, на самый верх, и смущенно улыбнулась Дотторе Песте. Он успел один раз нажать на кнопку, как расшалившиеся дети, не уступив друг другу дорогу, пошатнули непрочные бумажные ступени, и Ната полетела вниз. Александр успел ее поймать и буквально вынес из магазина, подпираемый плотным потоком туристов. Несколько котов, картинно восседающих на полках, жалобно мяукали, попав хвостами или лапами между людьми.

Было восемь вечера. Церковь *Santa Maria Formosa* рассыпала по округе колокольный звон. Александр, держащий за руку Нату, уверенно шел по незнакомому и отдаленному от *Domus* району *Castello*, как будто бы торопясь. По крайней мере, это было не похоже на их обычную прогулку. Любопытная Ната не следила за меняющимися видами, словно вмиг отупела. Оказавшись под глубокой аркой какого-то нежилого дома в нише, Александр, молча добравшись до своей и ее кожи, намертво вцепился в нее – и «заговорил». Где-то внизу ритмично и нежно плескалась и билась о ступени вода.

Потом, подойдя к каналу, они сидели на невысоком парапете и глядели на его бутылочную, непроницаемую поверхность.

– Когда ты удивляешься, ты поднимаешь брови, как мама. А мамы давно нет.

6.

Ната так и не купила венецианскую маску. С понедельника учеба возобновилась онлайн. Это было непривычно, сложно. Она больше уста-

вала, терялась, когда ее спрашивали преподаватели, не все слышала, не все понимала, забывала включить то звук, то видео. И мечтала, что занятия закончатся и она встретится с Александром. Он был молчалив, спокоен, но в узких переулках и потайных местах уже не касался губами ее виска – боялся потерять контроль, как и она. Но их молчание оставалось особенным, глубоким.

Еще одну неделю они встречались вечером, после ужина, а иногда и дважды – днем тоже. Натe хотелось расспросить его о семье, об учебе, о городе, где он вырос. Но они встречались, и молчание опаляло их, замыкая внутри вопросы. И они бродили, разглядывали, замирали, словно напивались, опьянялись увиденным впрок, с каждым днем трудней расставаясь, все дольше и дольше задерживаясь друг с другом.

В один из вечеров по скайпу позвонил Глеб и без всяких предисловий заявил, что Ната *какая-то другая – что случилось?* У Наты лихорадочно блестели глаза, подсвечивая новым внутренним светом тонкий пушок щек, припухлые губы. Она по-прежнему не знала, что сказать, как объяснить тайный сговор с безмолвным Дотторе Песте. Ей казалось, реальность Венеции – уже маска, но в этой декорации пробудилась, проклюнулась настоящая она. Человек, находящийся в Москве, не способен почувствовать это.

Может, поэтому она так и не смогла выбрать маску. Перебрав, перешупав, перемерив все: сложные папье-маше с перьями, вышивкой и кружевами, пластмассовые с росписью дешевым акрилом и клееными стразами, закрывающие лицо или только глаза, с вуалью, бубенцами и лентами – разнообразие масок было неисчислимым. Но маска под маской – уже перебор, и Александр тоже не надевал свой лакированный клюв. Ей казалось, маска не просто прячет, а обезличивает, сливает с толпой. В этом нет ничего живого: нарядиться мертвецом жаждет только безумец.

Венецианский карнавал прекратили досрочно. В конце недели везде писали и говорили только об этом. Центральная карнавальная тема: «Игра, любовь и безумие» глюкнула и зависла. С сайта *DallaZeta*: «Обновление 23 февраля 2020 года: из-за текущей ситуации с коронавирусом в Италии Карнавал в Венеции был приостановлен. Следовательно, 24 и 25 февраля запрограммированных празднеств и шествий не будет». За бортом остались «Полет орла» и «Полет льва» с колокольни *San Marco*, кулачные бои семейств Нико-

лотти и Каstellани, финал конкурса на самую красивую венецианскую маску.

22 февраля, в соседней Падуе, от ковида скончался семидесятивосьмилетний мужчина. Произошли новые случаи заражения в Ломбардии и Венето. 23 февраля число зараженных в Италии превысило сто человек, за несколько дней число инфицированных увеличилось с четырех до ста тридцати восьми, двое погибли. Италия заняла первое место по числу заболевших в Европе.

7.

—————
– Вот, подпиши здесь, это пропуск, по которому можно выходить в город. Для этого должна быть причина, а расстояние от *Domus* должно составлять не более пятисот метров. Штраф – двести шесть евро.

«Если без оплаты жилья, с готовой едой, как у них, – на эти деньги можно прожить месяц», – подумала Ната. Она, уже час стоящая в очереди в конторке менеджера на втором этаже, наконец получила и заполнила документ, так называемый сертификат личной ответственности – обычный лист А4, куда вписала свои паспортные данные и место проживания в Венеции, обязуясь выходить только в случае необходимости. Аптека, магазин, выгул собаки, спортивная пробежка. Внизу листа оставалось место для подписи полиции. Если патруль сочтет цель перемещения не убедительной – доставай кошелек.

Прогулки с Александром стали невозможны. Публичные мероприятия запретили. Музеи и театры прекратили работу. Дедушку Анджели похоронили – тихо, без многочисленной родни, многие были преклонного возраста. *Domus* опустел: из восьмидесяти студентов, проживающих на момент приезда Наты в Венецию, осталось шестнадцать. Удачный момент возвращения в Москву она упустила: авиасообщения с Россией, как и с другими странами, не было. Теперь все носили маски и соблюдали дистанцию в полтора метра.

Первые дни, когда ввели запрет, Ната вышла пройтись и забыла сертификат дома. Стоял один из тех переходных дней, когда свежий ветерок перестает холодить и лишь слабо дышит в лицо приближающейся весной. Ната спустилась пешком с четвертого этажа – ездить в лифте теперь разрешалось по одному, и его приходилось долго ждать, взяла на ресепшен маску и вышла через дворик в запасную калитку. Центральный вход с *San Polo* тоже закрыли. Она пошла кратчайшей дорогой на *Zattere*.

У *Scuola di San Rocco* остановилась, проверила расстояние до магазина *Conad* – один километр восемьсот метров. Да, не пятьсот. Постояла в нерешительности. Вокруг ни души. Эх, была не была. Пустая Венеция гулко отдавалась каждым шагом в проулках, неожиданно став слишком просторной для нее одной. Через двадцать минут она увидела длинный хвост людей, стоящих за продуктами на *Zattere*, на расстоянии друг от друга. Ощущение сюрреалистичности нарастало. Ната пошла вперед, надев темные очки, – здесь по-летнему припекало.

Она с удовольствием прошла по набережной, грустно думая о Дотторе Песте. На обратном пути, чувствуя, что пора возвращаться, увидела патруль. Трое в полицейской форме останавливали прохожих и проверяли сертификаты. Ната поискала в сумке и покрылась холодным потом – она не взяла. И лишних денег у нее нет. Она пристроилась за пожилой леди с терьером на поводке. Патрульные продолжали стоять, что-то выясняя у парня с девушкой. Ната прибавила шаг и при первой возможности нырнула в узкий проем между домами. В *Domus* она возвращалась бегом. Ворвавшись в фойе, пригладила волосы, заметив, что ее раскрасневшееся лицо рассматривает строгая Кьяра, одна из итальянских студенток.

Через какое-то время ее вызвала Сара: «Ната, ты не можешь так поступать с нами. Правила одинаковы для всех. Сегодня тебя не было слишком долго. Пятьсот метров, запомнила?» Ната закивала. Да. Обстановка в *Domus* становилась тревожной. Уехавшие на неопределенное время студентки отказывались платить за проживание, персонал сократили до минимума. Даже в помещении надо было носить маску, а ужины и обеды проходили за столами, размеченными скотчем в соответствии с необходимой дистанцией.

Руководство переживало, что общежитие закроют. Отели Венеции не работали, и всем иностранцам следовало возвращаться домой. Но как быть с теми, кто живет далеко и вылететь уже не может? Каждый день ждали проверяющих, меры предосторожности соблюдали неукоснительно.

На четвертом этаже Ната осталась одна. Общие ванны и туалетные комнаты сделали персональными: на дверях вывесили таблички с именами «владельцев». Учебную комнату и библиотеку закрыли. А в комнате отдыха можно было находиться только вдвоем – на расстоянии. Первое время Ната и Александр продолжали встречаться на вапоретто. Она селились на *Piazzale Roma* и,

занимая соседние сиденья – через одно место, проплывали пару остановок, держась за руки. Молчание уже не казалось прежним, что-то сгустилось, тяжестью висело в воздухе.

А потом ограничения ужесточили. Штраф увеличили до четырехсот евро, и количество патрулирующих возросло. Венеция, лишённая толп туристов, вздохнула и замолчала, надолго забыв все возможные языки и диалекты. Александр и Ната, напротив, начали говорить. Еле дождавшись окончания лекций, они списывались и начинали долгие беседы по телефону. К Нате стучалась Анжела, девочки, но она все время была занята.

8 марта Александр позвонил, поздравил с праздником и назначил свидание: «Приходи к *Frari* вечером, в восемь». Волнуясь и предвкушая необычное, Ната принарядилась, накрутила волосы. Пусть полчаса, все равно, радостно сбегала она со своего четвертого этажа. Она быстро дошла до кампо, где стояла базилика, сложенная из красноватого кирпича. Встала напротив входа, ровно восемь – словно уроненный, громогласно рассыпался колокольный звон.

Дотторе Песте ни разу не опоздал. Ната прошла к каналу, поднялась на мостик. Если повезет, они смогут нырнуть во дворик, обняться. В голову ударила кровь, как тогда, 14 февраля. Канал безмятежно блестел своей обычной зеленью, а внутри нее ритмично плескалась вода того дня. Где же ты, где? Ната тревожно посмотрела на часы, восемь пятнадцать – стала звонить. Абонент недоступен. Певуче, по-итальянски.

Александра не было и в восемь тридцать, и в восемь сорок пять. В девять, боясь патруля, магазины уже закрылись, Ната вернулась в *Domus*. Колокол бил так громко, что она зажала руками уши. Она звонила не переставая до ночи. Утром Анжела раздобыла номер его общежития и сама позвонила туда. Дежурный с ресепшен обещал проверить и перезвонить. Ната провела весь день на террасе, тревожно скользя взглядом по черепичным крышам и балконам соседей.

В час перезвонили. Александр не открывал дверь, он жил один. Спустя два часа ее вскрыли: все вещи на месте, но его нет. Полиция Венеции собирает сведения патрулей. Вам сообщат. Ната взяла в руки книжку *Скарпы*, подаренную Александром, и не выпускала ее из рук.

Его не нашли ни через сутки, ни через неделю, ни через месяц. Никто из соседей, приятелей и друзей ничего не знал. Примерно с восемна-

дцати часов вечера 8 марта его никто не видел. В больницу Венеции и других городов Италии пациент с такой фамилией не поступал. Среди погибших или умерших не значился. Ната перестала спать и есть, в короткие моменты забытья она соскальзывала в канал, и сильная рука выдергивала ее на берег. Глеб, словно сойдя с ума, звонил каждый день, Ната через раз снимала трубку. Он списывал ее состояние на стресс пандемии.

23 марта Ната села на карантин и вышла на улицу через сорок три дня – 3 мая. Она приехала на *Lido* и бросилась к Гранд-отелю: разлом в заборе был заколочен, на территорию попасть невозможно. «Игра, любовь и безумие Венецианского карнавала – 2020» – мерещилась на ветру газета.

Ната двинулась вдоль моря и ушла так далеко, как смогла уйти. Остановилась возле перевернутой облупившейся лодки, достала из рюкзака маску Дотторе Песте и медленно опустила ее в воду. Лакированный белый клюв покорно лег на волну и закачался, теряясь из вида.

